

GILLETTE & L'ORÉAL,

WOMEN USA

VOL. V

North Carolina • North Dakota • Ohio • Oklahoma
Oregon • Pennsylvania • Rhode Island • South Carolina

FERDINANDO FREGA ♦

GILLETTE & L'ORÉAL, WOMEN USA — VOL. V

L'ORÉAL THROUGH GILLETTE · 16

*Северная Каролина, Северная Дакота, Огайо, Оклахома,
Орегон, Пенсильвания, Род-Айленд, Южная Каролина.
Пятый отрезок американского пути — от побережья до
побережья и обратно.*

Нулевая глава — общее начало

*Эта вступительная глава общая для всех шести томов
«Женщин Соединённых Штатов». Здесь она приведена
полностью и свёрнута, чтобы серию можно было читать
подряд, без повторов.*

НУЛЕВАЯ ГЛАВА

Здесь мир — не территория: это предел. Северный полюс не встречает, не прощает, не оставляет места для ошибки. Белое царит как абсолютная сущность, безмолвная и без памяти. Температура — не метеорологические данные: это хищник. Ночь длится месяцами, давит мысли, искажает очертания людей, поглощает их волю.

Общины немногочисленны, малы и замкнуты. Инуиты, юпики, арктические народы живут там, где никто не решился бы остаться. Здесь каждый человек необходим для выживания группы. Если ты не полезен, ты становишься обузой. А те, кто становится обузой, исчезают в тишине, в снегу, в логике среды, которая не идёт ни на какие уступки.

Научные станции добавляют холод другого рода: холод иерархий. Здесь женщина — редкость, аномалия, которая должна приспособиться или погибнуть.

В этом месте понятия «исчезновение» не существует. Есть только белое, которое стирает всё.

Женщины инуитов и юпиков

Арктическую девочку не балуют: её готовят. Она рано учится выдерживать холод, темноту и голод. Она должна стать полезной для рода, потому что здесь идентичность не личная. Она функциональна. Женщина несёт на себе бремя семьи и общины: еда, огонь, дети, шкуры, забота. Никто не говорит о правах. Никто не говорит о хрупкости. Депрессия существует, но у неё нет имени. Насилие существует, но у него нет свидетелей.

Женщина научных станций

Образованная, компетентная, привыкшая к дисциплине. Она приезжает как исследовательница, техник, врач. Она быстро обнаруживает, что Северный полюс не признаёт дипломов. Здесь важна только душевная стойкость. Над ней господствуют мужские иерархии, и любой признак слабости толкуется как слабость. Это среда, где силы недостаточно: нужен предельный самоконтроль.

Западная женщина «извне»

Выросшая на свободе, она приезжает в уверенности, что сможет покорить холод. Но это место её ломает: одиночество, крошечные пространства, бесконечное молчание. Станции — не общины, это механизмы. И женщина внутри механизма,

придуманного мужчинами, должна бороться, чтобы не исчезнуть.

Путешествие на край света

Мой сосед Антонио, которого все звали Нино, годами говорил о Нордкапе, о полуночном солнце, о месяцах без темноты. Это была мечта, которую он носил в кармане, как что-то невозможное. Однажды майским утром я позвонил в его дверь и сказал только одно: «Собирай чемодан. Я вернусь через час. Вернёмся через 30 дней». Он посмотрел на меня удивлённо, счастливо. Его жена, встревоженная, спросила, что мы задумали. «Гнаться за мечтой», — ответил я.

Мы сели в машину. Наши жёны смотрели на нас как на сумасшедших. Но эта поездка была настоящей. У Нино уже было полно вопросов. «Куда мы едем? Сколько денег взять?» «Расслабься, — сказал я ему. — Через 54 часа будем на месте. Всего 5000 км. Мы в новом Range Rover. Наслаждайся дорогой».

Каждые 300 км мне приходилось останавливаться: он, на двенадцать лет старше меня, жил в своём ритме. У меня были вода и напитки; у него — кофе и физические потребности. И чем дальше мы ехали, тем больше он рассказывал о своей жизни. О таких вещах, которых я никогда бы не узнал, если бы не эта бесконечная дорога.

Двое мужчин одни в машине всё время говорят о женщинах. Он знал только свою жену. Я смеялся. Я его успокоил: «Мы такие же».

Он спросил, как мне удаётся не сойти с ума, ведя машину 60 часов. Я рассказал ему о России, когда в 22 года я проехал за рулём 51 час, чтобы встретиться с женщиной, которую

никогда не видел. «Расстояния — не пределы, — сказал я ему. — Это отговорки. У меня их никогда не было».

Прибытие в белое

Мы въехали в Норвегию. Хостел у дороги. Машину мы оставим там и дальше поедem на санях.

Проводник был закутан с головы до ног, непроницаем. Когда он снял очки, я обнаружил, что это женщина. Норвежка, молчаливая, прямая, ледяная. Нино посередине саней, она впереди, я со своими 190 см сзади, замыкающим.

Было ещё светло. Часы показывали время, но не говорили, ночь сейчас или утро. Это было полуночное солнце. Мы добрались до Нордкапа.

Нино плакал. Он обнял меня. Я сказал ему со смехом: «Осторожно... люди могут подумать, что мы геи». Мы смеялись, но мы были на краю света.

Потом пришёл мороз: -52°C .

Вход в настоящую Арктику

Нас отвели в металлический контейнер переодеться. Невероятно тяжёлые стёганные комбинезоны, застёгнутые на сложные молнии.

Я заплатил проводнице. Нино оставили в иглу с какими-то мужчинами; меня — в другом, с семьёй: старик лет семидесяти-восемидесяти и три женщины от тридцати до пятидесяти.

Это был замкнутый мир. Простой. Жестокий.

Мужчина держался в стороне. Женщины задавали ритм. А туалетом служил холмик в пяти метрах от иглу: какашки замерзали, не успев коснуться земли. Моё первое пи-пи превратилось в жёлтую арктическую звезду. Это Север со мной здоровался.

Женщина средних лет, Маги, немного говорила по-английски. Остальное — жесты, глаза, руки. Язык холода.

Когда я не понимал, как пользоваться комбинезоном, она, не задумываясь, коснулась моего паха, чтобы показать скрытую молнию. Ни злого умысла, ни смущения: только функция. Выживание.

Три дня в иглу

Принесли еду. Копчёную рыбу, сырую рыбу, печень трески, китовое брюхо. И шарики из акулы. Выбора не было. Альтернативы не было. Это было то, что даёт природа.

Потом я выпил красную жидкость. Я думал, это вино. Это была процеженная, прокипячённая, подслащённая китовая кровь. Я её выпил. Она дала мне силу, какой я никогда раньше не чувствовал. Первобытную энергию. Я подумал, что это кокаин. Нет. Это Север входил в тело.

Женщины наблюдали за мной. Старик уходил на охоту. Я отдыхал и пил кровь. Три дня без телефона, интернета, компьютера, без Нино. Только я и они.

Ночи не было. Только свет, огонь, лёд и дыхание.

Три женщины легли спать. Я искал себе место. Самая молодая подняла руку и знаком позвала меня ближе. Они расхохотались. Я не понимал. Они сказали, что я их «Рождество».

Так они говорили, что меня приняли.

Я попытался дать им немного денег в благодарность. Они отказались. Они хотели только объятий. И нескольких слов по-калабрийски, чтобы почувствовать себя ближе.

Там я понял цену настоящих подарков: тех, что нельзя ни купить, ни продать.

Прощание проводницы

Через три дня приехала проводница. Она целый час говорила с тремя женщинами. Я был снаружи. Я не понимал, о чём они говорят. Это было не моё дело. Это был их язык, их мир, их закон.

В контейнере, пока я раздевался, вошла проводница. Любопытная. Прямая. Северная. Она крепко меня обняла. Она меня поцеловала. Её кожа была белой, как молоко. Её глаза были синими, как августовское небо.

Она попросила увезти её. Она сделала бы что угодно, лишь бы выбраться из этого мира.

Я уважительно улыбнулся. Я не мог. Я не должен был.

Я оставил ей только одно обещание: «Если тебе что-нибудь понадобится, напиши мне письмо. Я помогу». Она отказалась даже от денег. Она была красивой женщиной, но одинокой. Одиночество, которого не видно издалека. Одиночество, которого холод не прощает.

Возвращение домой

Мы поехали забрать Нино. Он был в восторге. Он не хотел возвращаться. Но у меня была встреча с его женой.

Он всем рассказывал о своих трёх днях. Я молчал. Я никогда ничем не делился с женщиной. Только с бумагой.

И вот, пока Нино возвращался в свой мир, я уже был на пути в другой. Другое место назначения. Другая встреча.

Добро пожаловать.

Эпилог

Север не забирает тебя: он тебя меняет. И никогда

не возвращает целым. Мужчины приезжают на Северный полюс в поисках света, тишины, фотографий, мечтаний. Женщины остаются, чтобы выжить.

Мужчины рассказывают о том, что видели. Женщины молчат о том, что пережили.

Мужчины возвращаются. Женщины остаются. Они остаются в холоде, в снежных домах, в неслышанном молчании. Они остаются, чтобы держать на себе общины, которые их не чествуют. Они остаются, чтобы защищать детей, стариков, чужаков. Они остаются невидимыми.

Оттуда я увёз только одно воспоминание: красивая, невероятно красивая женщина, но одинокая. Не в романтическом смысле. В человеческом. В трагическом.

Размышление

Север не убивает тело. Он убивает присутствие. И остаётся белое: место, где женщины живут и исчезают одновременно.

Вот почему я пишу. Потому что крайние места не рассказывают свою историю сами. А те, кто через них

проходит, не могут позволить себе роскошь молчать.

Только не я. Только не я. Моя земля меня родила, а остальной мир принимает меня не как гостя, а как члена семьи.

Из абсолютной белизны Севера я спустился в абсолютную неразбериху Соединённых Штатов.

СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Невозможное задание

Восемнадцать лет работы в американской компании дают то, чего не даст ни одна другая компания в мире: рабочую культуру, процедуры, ясную миссию и систему ценностей, которые не теория — это ежедневная практика. Тебе их не объясняют; их в тебе выстраивают. И делают это, не спрашивая твоего разрешения.

Я был в нью-йоркском офисе, когда мне предложили работу, какую я и вообразить не мог. Не повышение. Не перевод. Эксперимент.

Конфиденциальная программа, созданная, чтобы проверить модель человеческих отношений внутри Соединённых Штатов. Выбирали не менеджеров, не психологов, не тренеров. Выбирали людей с определённым опытом реальной жизни. И всплыло моё имя — хотя я восемнадцать лет проработал в продажах. Смотрели не на должность: смотрели на ум.

Задание было просто объяснить и невероятно трудно выполнить:

за один год объехать 50 американских штатов, самому выбирая города и оставаясь в каждом не меньше недели.

Последние две недели — принудительный отпуск. Все расходы они брали на себя. Мне оставалось только жить, наблюдать, понимать и каждый понедельник сдавать отчёт.

Человеческий, сухой, точный отчёт.

Я подписал контракт. Предупредил домашних. Они ни о чём не спросили. Им только хотелось знать, пришли ли деньги на месяц. Мне предстоял год в Америке. Им, как всегда, — следующий месяц.

На всякий случай зарплату перечисляли прямо на мой банковский счёт в Италии. Это был вежливый способ сказать мне: «Не делай глупостей. Живи на то, что есть. Посмотрим, кто ты на самом деле».

Только пятнадцать лет спустя я получил доступ к своим исходным отчётам, к анализам и к материалам, которые обо мне собрали. Отсюда и родилась эта книга. Я получил разрешение её опубликовать при одном условии: никогда не называть компанию, которая её заказала.

Это не важно. Эта история не о логотипах. Она о человеке в стране, которую невозможно понять, пока не проживёшь её сам.

Начать с самой дальней точки?

Логичнее всего было начать с окраин, а не с центра. По двум простым причинам:

1. Я только что вышел из эксперимента: высокая ясность, предельное внимание.

2. Начав с крайней точки, я мог по ходу скорректировать курс и чисто завершить путь.

Мне не нужно было начинать с Бостона или Чикаго. Начинать надо было с границы. С места, которое было Америкой только на бумаге.

Я выбрал Джуно, столицу Аляски. Изолированную. Добраться туда можно только на корабле или самолёте. Город, который никому не принадлежит. Идеальное место для начала.

Оптимизировать ресурсы

Перед отъездом я сделал то, что американец уважает прежде всего: организовался как профессионал, а не как турист.

Я позвонил в три самые популярные авиакомпании, с самыми большими внутренними сетями. Меньше чем за час я купил книжку на пятьдесят внутренних перелётов со скидкой 60%.

Без ограничений по времени. Без ограничений по дням. Без запретов. Только одно условие: использовать их в течение года.

То же самое я сделал с сетями отелей, такси Uber и компаниями по прокату машин, а потом составил настоящий план этапов, способов передвижения, но не сроков.

Я был готов.

Это был мой первый настоящий успех. Первый знак того, что я умею двигаться. Америка вознаграждает тех, кто действует, а не тех, кто ждёт.

Когда компания увидела эту операцию, она сделала то, что всегда делает американская культура: проверила надёжность.

Способен ли я выдержать год постоянного движения?
Способен ли справляться с неожиданностями, расстояниями,
чрезвычайными ситуациями? Самостоятелен ли я?

Поэтому перед отъездом я уладил ещё одну важнейшую
деталь:

я добился, чтобы месячный лимит моей кредитной карты был
не меньше 100 000 долларов.

Не для того, чтобы их тратить. Для того, чтобы показать, что
мы способны ими управлять. Американцы думают так: если у
тебя нет самостоятельности, у тебя нет свободы. А если у тебя
нет свободы, тебя нельзя оценить.

С этого момента программа перестала быть заданием. Она
стала миссией.

А ТЕПЕРЬ — НАСТОЯЩИЙ ПУТЬ

Аляска входит в Соединённые Штаты только по географии.
Это другой мир.

Это место, где женщины исчезают бесследно. Где жалоба
никогда не доходит до адресата. Где города — лишь островки
цивилизации посреди дикого континента.

Джуно был моим первым испытанием: столица, у которой нет
дорог, связывающих её с остальной страной. Кусок Америки,
который не ощущается как Америка.

Здесь я начал кое-что понимать: путешествие будет не
географическим. Оно будет человеческим.

БЛОК 1 (Том I)

Алабама – Аляска – Аризона – Арканзас – Калифорния – Колорадо – Коннектикут – Делавэр – Флорида – Джорджия

БЛОК 2 (Том II)

Гавайи – Айдахо – Иллинойс – Индиана – Айова – Канзас – Кентукки – Луизиана – Мэн – Мэриленд

БЛОК 3 (Том III)

Массачусетс – Мичиган – Миннесота – Миссисипи – Миссури – Монтана – Небраска – Невада – Нью-Гэмпшир – Нью-Джерси – Нью-Мексико

БЛОК 4 (Том IV)

Нью-Йорк – Вашингтон

БЛОК 5 (Том V)

Северная Каролина – Северная Дакота – Огайо – Оклахома – Орегон – Пенсильвания – Род-Айленд – Южная Каролина

БЛОК 6 (Том VI)

Южная Дакота – Теннесси – Техас – Юта – Вермонт – Вирджиния – Западная Вирджиния – Висконсин – Вайоминг

СЕВЕРНАЯ КАРОЛИНА

Северная Каролина — штат, который живёт на двух путях. С одной стороны — «новая Америка»: университетские исследования, технологии, стартапы, врачи, инженеры, учёные, современные растущие города. С другой — «старая Америка»: — бедная сельская глушь — изолированные общины

– тяжёлые традиции – физический труд – далёкая медицина
– всё ещё жёсткие роли. Они не живут вместе. Они друг друга не замечают. Женщины здесь исчезают в зависимости от того, где они родились: – в современности — из-за давления и конкуренции– в сельской глуши — из-за изоляции и традиций– в городах средней величины — из-за низкооплачиваемой работы и нехватки услуг– в исторических чернокожих общинах — из-за двойной борьбы: расовой и женской.

Северная Каролина вежлива на поверхности и свирепа в мелочах.

Женщина Исследовательского треугольника — 33 года

Сара — аналитик данных в стартапе. Усердная, блестящая, хорошо подготовленная, она работает в среде, которая продаёт себя как прогрессивную, «европейскую» и современную.

Правда: – долгие часы – бесконечные ожидания – цели, которые меняются каждую неделю – молодые менеджеры, которые выжигают людей, сами того не замечая – женщины, которым приходится стараться вдвое больше, чтобы получить вполтину меньше признания.

Сара училась, вкладывала годы, жертвовала жизнью и временем. А теперь она внутри системы, которая аплодирует ей и пожирает её в один и тот же день.

Её отсутствие — профессиональное: она необходима, чтобы строить будущее, но у неё нет сети, которая бы её защищала.

Сельская женщина — 49 лет

В сотне километров от современности есть другая Северная Каролина. Далёкие друг от друга дома, поля табака и сои, долгие зимы, суровое лето. Дороги без тротуаров, без магазинов, без ничего.

Линда живёт в одном из таких мест. Она работает неполный день в местном магазине. До всего она едет мили: врач, аптека, школа, банк. Весь её день лежит на её плечах: — дети — дом — старики — работа — дела — чрезвычайные ситуации, которые она решает одна.

Она не может выбирать. Она не может ничего изменить. Она не может сломать распорядок, который навязывают мили.

Её отсутствие — географическое: она живёт слишком далеко, чтобы её видели.

Афроамериканка из города средней величины —

38 лет. Ким работает в колл-центре в Шарлотте. Она работает со скриптами, таймерами, метриками и супервайзерами, которые следят за каждым перерывом.

У неё двое детей и мать, о которой надо заботиться. Город растёт, приходят компании, поднимаются небоскрёбы. Но настоящие возможности до неё не доходят.

Северная Каролина говорит о развитии, но это развитие проходит над чернокожими общинами, не останавливаясь.

Ким тянет: — эмоционально изматывающую работу — учёбу детей — ежедневную усталость — растущие расходы — социальную мобильность, которой на самом деле нет.

Её отсутствие — расовое и экономическое: она опора города, но никогда не поднимается вверх.

Женщина побережья — 41 год

Таня живёт на побережье. Море красивое, дома ухоженные, туризм сильный. Но настоящая жизнь — это другое.

Работа на курорте: – номера – прачечная – уборка – приём туристов – длинные смены – низкие зарплаты

Лето — перегрузка. Зима — тишина и счета, которые не сходятся.

Побережье Северной Каролины фотогенично, но держится на тяжёлом труде женщин, которые никогда не увидят этого богатства.

Её отсутствие — экономическое: всё вращается вокруг туризма, но те, кто его держит, не получают того, что им положено.

Эпилог — Северная Каролина

Северная Каролина — штат, разделённый слишком далёкими друг от друга реалиями. Женщины платят цену везде: в технологиях, которые обещают возможности, но не дают поддержки, в сельской глуши, которая изолирует, в городах, которые растут без включённости, и на побережьях, которые живут короткими и тяжёлыми сезонами.

Это стирание одновременно современное и древнее.

Женщины — движущая сила в каждом уголке штата, но штат считает их просто необходимым присутствием.

Размышление — Северная Каролина

Каждый штат в этом томе показывает свою форму отсутствия. Северная Каролина показывает ту, что рождается из внутреннего расстояния: разрыва между богатыми и бедными, между городом и деревней, между новым и старым, между тем, что штат обещает, и тем, что он даёт.

Женщина всегда живёт посередине. Она — линия, которая соединяет миры, не говорящие друг с другом. И именно потому, что она держит всё вместе, никто не ставит её в центр.

Эта глава нужна, чтобы сказать это без фильтров: современность сама по себе никого не освобождает. Нужно признать тех, кто на самом деле её держит.

СЕВЕРНАЯ ДАКОТА

Северная Дакота — беспощадная земля. Суровые зимы, ветры, режущие кожу, длинные пустые дороги, маленькие далёкие городки, невидимые коренные общины и нефтяные месторождения, которые господствуют над пейзажем.

Это штат, где женщины живут между двумя противоположными силами: природой, которая приказывает, и обществом, которое не меняется.

Это место вознаграждает выносливость больше, чем счастье. И внутри этой логики женщины исчезают в повседневных мелочах: — в низкооплачиваемой работе — в географическом одиночестве — в нехватке услуг — в жёстких семейных ролях — в изолированных общинах — в ритмах, которые навязывает экономика, где правят мужчины.

Северная Дакота не злая. Она грубая. И в этой грубости многих женщин поглощает без звука.

Женщина с нефтяной вышки — 35 лет

Джессика живёт в Уиллистоне, нефтяном городе. Она работает координатором на объекте. Она одна из немногих женщин на мужском предприятии: тяжёлые смены, огромные грузовики, мастерские, постоянный шум.

Каждый день — испытание: — неуместные шутки — бесполезные комментарии — уважение, которое приходится заслуживать вдесятеро — риск на работе — ноль личного пространства.

Платят хорошо, но человеческая цена огромна. У неё нет настоящих друзей. У неё нет стабильных отношений. У неё нет сети поддержки.

Её отсутствие — социальное: вокруг одни мужчины, и всё же она одна.

Коренная женщина — 40 лет

Многие коренные общины Северной Дакоты живут в забвении. Жилья мало, возможностей не хватает, школы слабые, больницы далеко. Коренные женщины несут наследие ран, которые штат так и не залечил.

У Аланы четверо детей. Она работает неполный день в общественном центре. История её народа написана повсюду: на лицах, в молчании, в отсутствиях.

Проблемы постоянны: — безработица — повсеместные зависимости — почти несуществующая помощь штата — хрупкая инфраструктура — социальная депрессия.

Её отсутствие — историческое и структурное: культура сильна, но настоящее её не замечает.

Женщина крошечных городков — 50 лет

Северная Дакота состоит из городков, которых нет на картах. Пять улиц, школа, церковь и заправка.

Карен живёт в одном из них. Она работает в маленьком продуктовом магазине. Каждый день она видит одних и тех же людей, одни и те же жесты, одни и те же разговоры.

Чтобы найти больницу, нужно ехать час. Чтобы найти другую работу — ещё дольше. Чтобы найти хоть что-то отдалённо новое, нужно два часа.

Её отсутствие — географическое: у неё нет альтернатив. Её жизнь определяется местом, где она живёт.

Женщина сельскохозяйственного фронта — 47

лет

Меган живёт в самом сельскохозяйственном районе штата. Бесконечные поля, тракторы, урожай, снег, который выпадает слишком рано.

Работа на ферме: — животные — инструменты — конюшни — обслуживание техники — счета — готовка — семья — чрезвычайные ситуации, которые всегда надо решать.

Женщина на ферме здесь несёт больше чем вдвое тот груз, который видно со стороны. Это руки, ум, управление, хребет. Но всё это называют «помощью на ферме».

Её отсутствие — культурное: она делает всё, но её никогда не признают центральной частью экономики.

Эпилог — Северная Дакота

Северная Дакота — штат, который не защищает. Он требует силы, требует выносливости, требует терпения. Женщина отвечает полной самоотдачей, но штат ей не отвечает.

От нефтяной вышки до резервации, от крошечных деревень до изолированных ферм женщины не исчезают их поглощает территория, словно их присутствие само собой разумеется.

Размышление — Северная Дакота

У каждого отсутствия есть причина. В Северной Дакоте причина — сама земля: большая, суровая, далёкая, неэффективная, мужская по своей экономике, медленная в переменах.

Женщина живёт в пейзаже, где нет места хрупкости, в обществе, которое считает её тяжёлый труд неизбежной частью декораций.

Она невидима не потому, что ничего не стоит: она невидима, потому что земля здесь больше, чем люди.

И эта глава нужна, чтобы напомнить: сила — не выбор. В некоторых местах это единственный вариант.

ОГАЙО

Огайо — зеркало молчаливой Америки. Это штат рухнувших промышленных городов, пригородов без направления, пустых семей, бегущей молодёжи и работы, которая больше ничего не гарантирует. Это земля, которая когда-то производила всё, а теперь производит ожидания: ожидание лучшего будущего, ожидание возможности, которая никогда не приходит,

ожидание перемен, которые движутся медленно, стоя на месте.

Женщина здесь держит вместе то, что должен был бы держать штат: – разбитые семьи – нестабильные доходы – общины, израненные наркотиками – дома, которые разваливаются на куски – школы, которые еле держатся – перегруженные социальные службы.

Огайо не убивает женщину. Оно отнимает у неё дыхание. Медленно, молча, понемногу каждый день.

Женщина рухнувшего промышленного города — 46

лет

Мишель живёт в Кливленде, в районе, который когда-то кипел работой. Её отец работал на заводе. Её дед тоже. Потом всё изменилось: перенос производств, закрытия, банкротства.

Теперь она работает в супермаркете: плавающие смены, низкая зарплата, никакой уверенности. Каждый месяц ей приходится делать хирургически точные расчёты, чтобы не разориться.

Дом старый, район хрупкий, возможностей мало.

Её отсутствие — экономическое и поколенческое: она живёт ровно в той точке, где рухнула целая промышленная идентичность, утянув за собой женщин, которые не смогли выбрать другое будущее.

Женщина, которая растит семью во время опиоидного

кризиса — 38 лет. Огайо — одна из столиц опиоидной эпидемии в Америке. Фармацевтические компании, сговорчивые врачи, хрупкие общины: медленный взрыв, который опустошил целые семьи.

Эмили живёт в Дейтоне. Её муж умер от передозировки три года назад. У неё двое детей, и она работает администратором в клинике. Каждый день она видит знакомые лица: отчаявшихся матерей, сломленных молодых людей, отцов, которые не выкарабкались.

Огайо говорит об «опиоидном кризисе». Она говорит об отсутствии: потерянный мужчина, разбитая семья, груз, который целиком падает на её плечи.

Её отсутствие — эмоциональное и социальное: она держит детей дома, а работу на плаву, пока система, которая создала проблему, ничего не делает, чтобы её решить.

Бедная белая женщина из пригорода — 28 лет

Саманта живёт в пригороде, который словно вышел из скучного фильма: Walmart, заправки, сборные дома, фастфуд, бесконечные парковки.

Она работает в McDonald's. Повторяющиеся смены, автоматические движения, нервные клиенты и ежемесячная смена руководства. Она зарабатывает достаточно, чтобы выжить, но никогда — достаточно, чтобы расти.

Её мать больше не работает. Её партнёр то есть, то нет. У неё есть мечты, и она не знает, куда их деть. Её отсутствие —

общее: вокруг неё люди в том же положении, и от этого её усилия ещё невидимее.

Никто не видит того, что стало нормой для слишком многих.

Женщина сельскохозяйственного края – 54 года

За пределами городов есть Огайо, который живёт сельским хозяйством, мелким скотоводством и физическим трудом. Здесь женщины берут на себя всё: бухгалтерию, животных, посевы, детей, стариков и дом.

Линда живёт на ферме недалеко от Ланкастера. Её дети выросли, муж работает на стороне, а она остаётся, чтобы управляться со всем, чего требует земля.

Она работает семь дней в неделю, в жару, в холод, в дождь и в снег. Выходного нет. Передышки для головы нет. Признания нет.

Её отсутствие культурное: само собой разумеется, что сельская женщина «справится». Да, она справилась. Но цену всегда платит она.

Эпилог – Огайо

Огайо — штат, у которого многое отняли, и он научился отнимать у тех, у кого меньше всего голоса.

Женщины здесь не просят чудес. Они просят стабильности, защиты, настоящих возможностей. Получают их обрывки.

От павших промышленных городов до районов, изъеденных опиоидами, до белых пригородов без будущего, до сельских земель, которые никогда не отдыхают, женщины держат вместе то, что штат больше не поддерживает.

Размышление – Огайо

Отсутствие женщин в Огайо — не следствие одной причины. Это следствие сочетания всех поломок: экономической, социальной, медицинской, семейной и общественной.

Здесь женщина живёт в разломе между тем, чем Огайо был, и тем, чем он уже не может стать.

Это отсутствие, которое не производит никакого шума, потому что стало нормой.

И задача этих страниц именно в этом: сделать невидимое видимым, дать лицо тем, кто держит на себе всё и кого никогда не называют по имени.

ОКЛАХОМА

Оклахома живёт в постоянном напряжении между прошлым и настоящим. Это штат, полный земли, ветра, церквей, сельских общин, средних городов, которые меняются, и индейского наследия, которое штат признал лишь наполовину. Это земля, которую потрепали бури всех видов: экономические, климатические, социальные и культурные.

И каждая буря всегда обрушивается на одни и те же плечи: на плечи женщин.

В Оклахоме женщины замурованы в жёсткие роли, раздавлены повсеместной бедностью, сделаны невидимыми религией, которая много говорит о семье, но мало — о настоящей защите. Это штат, который живёт сопротивлением, и женщины — его самые изношенные опоры.

Женщина Библейского пояса – 32 года

Ханна родилась в мире, где всё уже было решено: как одеваться, как говорить, как себя вести, во что верить, чего избегать.

Семья, община, церковь: три концентрических круга, которые определяют её жизнь.

У неё муж, двое детей и скромный дом. Её день размечен так: – школа детей – покупки – церковь – обязательное волонтерство – семейные обязанности – ноль места для себя.

Она не может высказывать сомнения. Она не может по-настоящему выбирать. Она не может выйти из клетки, не прославив предательницей общины.

Её отсутствие культурное и духовное: она постоянно присутствует, но как функция, а не как полноценный человек.

Коренная женщина – 45 лет

В Оклахоме одно из самых многочисленных коренных населений страны. Но пропасть между культурой и благополучием огромна.

Кайла — член Нации чероки. Она работает в культурном центре. Она хранит живыми язык, традиции, обряды и истории.

Но за пределами этого мира реальность жестока: – школы с нищенским финансированием – хрупкое здравоохранение – повсеместные зависимости – плохо оплачиваемая работа – тонкая и постоянная дискриминация. Она держит на себе общину, семью и идентичность. И никто не защищает её так, как она того заслуживает.

Её отсутствие историческое: штат построил свою идентичность на коренных народах, а потом оставил их одних.

Женщина из районов, которые бьют торнадо – 39 лет

Оклахома — один из штатов, сильнее всего страдающих от торнадо. Это может случиться каждый год, в любое время года. И когда это случается, оно стирает всё.

Рейчел живёт в районе, по которому били не раз. За свою жизнь она потеряла два дома: один в детстве, другой взрослой.

Она работает учительницей. И каждый год она должна готовить учеников к учениям: прятаться, защищаться, не слушать звук страха.

Её жизнь состоит из восстановлений: домов, распорядка, стабильности.

Её отсутствие климатическое: здесь правит природа, а последствия всегда платят семьи, то есть женщины.

Женщина с низким доходом – 29 лет

Бруклин — распространённое здесь имя, а не город — живёт в пригороде Талсы. Старые дома, разбитые дороги, автобусы, которые ходят, когда им вздумается.

Она работает в фастфуде. Разорванные смены, изменения графика в последний момент, минимальная плата. У неё трёхлетняя дочь. Детский сад стоит дороже её зарплаты. У неё два варианта: оставить ребёнка у человека, которому она не доверяет, или потерять работу. Её мир состоит из: — просроченных счетов — продуктовых талонов — бегодни —

постоянной тревоги – маленьких, но никогда не сбыточных мечтаний.

Её отсутствие экономическое и системное: Оклахома подталкивает тех, кто уже пробился, и оставляет позади тех, кто родился в этих пригородах.

Эпилог – Оклахома

Оклахома — штат, который кажется простым, но жить в нём — одно из самых трудных дел.

Женщины — пленницы трёх огромных сил: — религии, которая их запирает — бедности, которая их высасывает — климата, который их разрушает.

Каждое восстановление, каждое спасение, каждое хрупкое равновесие проходит через неё. Но штат редко что-то возвращает.

Размышление – Оклахома

Женское отсутствие в Оклахоме рождается из опасной смеси: сильной традиции, стойкой бедности, невидимых коренных идентичностей и беспощадной природы.

Здесь женщина живёт в постоянном противоречии: быть незаменимой и быть незамеченной.

Эта глава ясно показывает одно: тяжесть — это не справедливость. Сопротивление — это не свобода. Выживание — это не движение вперёд.

И в Оклахоме слишком часто женщины не живут: они сопротивляются.

ОРЕГОН

Орегон живёт самым тонким противоречием Соединённых Штатов: чистый, зелёный, либеральный образ, идеальный для туристов и предвыборных кампаний, и социальная реальность, полная глубоких трещин.

Портленд, прославленный как прогрессивный город, — это ещё и огромный очаг бездомности, зависимостей, кризиса психического здоровья и растущего неравенства. За пределами Портленда Орегон — это меняющаяся глухая сельская местность, крайне бедные белые общины, нестабильная работа, минимальные ресурсы и скрытое напряжение.

Женщина здесь исчезает не из-за нехватки роли, а из-за перегрузки:

– семьи с одним доходом – зависимость от партнёра – нехватка услуг – географическая изоляция – нестабильная работа – чрезмерные расходы – отсутствие настоящей защиты

На Орегон приятно смотреть, но жить в нём тяжело.

Женщина Портленда – 29 лет

Джулия живёт в восточной части Портленда. Она работает в магазине здорового питания, еле-еле платит за жильё и делит дом с двумя другими людьми.

Портленд выдаёт себя за «открытый, чуткий, социальный» город, но правда состоит из: – улиц, полных бездомных – кризиса психического здоровья повсюду – забытых служб – низкооплачиваемой работы – постоянно растущей аренды. Джулия — одна из тех, кого город использует как символ

своего «молодого духа», но обращается с ней как с безымянным номером.

Её отсутствие социальное: она повсюду в дискуссиях, но нигде в решениях.

Женщина-иммигрантка в ресторанной сфере –

34 года. Роса приехала из Гватемалы. Она работает на кухне ресторана, где всегда полно народу, всегда шумно, всегда напряжённо.

Десять часов в день, шесть дней в неделю. Низкая плата, никакой страховки, постоянный пот, жар и шум.

Многие коллеги-мужчины считают, что могут шутить как им вздумается. Они делают это не со зла; они делают это от невежества и по привычке. Но ей это тяжело. Её изводят комментарии, взгляды и грубые шутки.

Вне работы она отправляет деньги родственникам. На работе она держит всё на плаву.

Её отсутствие экономическое и культурное: она вращает целую отрасль, но остаётся невидимой для всех.

Сельская женщина – 52 года

На востоке Орегона есть городки, которые словно застряли в 1985 году. Мало домов, длинные дороги, суровые зимы и связь с перебоями.

Карен живёт в одном из них. У неё маленькая ферма, несколько животных и подработка в магазине. Всё она делает сама. Если нужен врач, надо ехать час. Если нужна какая-то

услуга, записываться надо за несколько дней. Если что-то идёт не так, рядом никого нет.

Её отсутствие географическое: она живёт далеко от мира, и не по своему выбору.

Женщина, которая держит на себе семью, разрушенную

зависимостью – 43 года. Орегон — один из штатов с самым высоким уровнем зависимостей. Опиоиды, метамфетамины, алкоголь. Медленная лавина, которая никогда не останавливается.

У Тессы партнёр, которого уже не вернуть. Двое маленьких детей. Работа кассиршей в супермаркете. Каждый день она должна защищать детей, иметь дело с мужчиной, которого больше не узнаёт, сводить концы с концами и бороться с системой, которая не предлагает никаких решений.

Её отсутствие институциональное: общество годами говорит о «кризисе», но для тех, кто переживает его дома, ничего не меняется.

Эпилог – Орегон

Орегон — штат, который хорошо себя рекламирует, но плохо себя защищает.

Женщины живут между двумя крайностями: – эстетическим прогрессизмом – агрессивной социальной реальностью.

Именно она выдерживает удар неравенства, держит на себе хрупкие семьи, работает в самых эксплуатируемых отраслях, поддерживает общины, забытые политикой.

Красоты Орегона недостаточно, чтобы его спасти.

Размышление – Орегон

Отсутствие женщин в Орегоне рождается из жёсткой правды: мало просто называть себя современным, чтобы им быть.

Женщины здесь платят три цены: – стоимость жизни – нестабильную работу – социальную и географическую изоляцию.

Это отсутствие, которое рождается не из прямого конфликта, а из всеобщего равнодушия.

И эта глава даёт ясно понять: за лесами, горами, идеальными озёрами есть Америка, которая не работает. И она целиком ложится на женщин.

ПЕНСИЛЬВАНИЯ

Пенсильвания — один из самых расколотых штатов Америки. С одной стороны — большие города, Филадельфия и Питтсбург, пропитанные историей, неравенством, незавершёнными возрождениями и общинами, которые всё ещё носят открытые раны. С другой — сельская и консервативная глубинка, фермы, закрытые шахты, застывшие городки и старомодный образ мыслей.

Здесь женщины исчезают четырьмя способами: — в бедных пригородах — в афроамериканских общинах, отмеченных насилием — в застывшей сельской местности — в современных городах, которые их пожирают.

Пенсильвания — штат, который не прощает тех, кто родился с малым. И женщины, как всегда, платят самую высокую цену.

Женщина из бедных пригородов Филадельфии

– 34 года. Шан живёт в Северной Филадельфии. Это тяжёлый район, со школами, которые едва держатся, и улицами, где напряжение чувствуется даже средь бела дня.

Она работает в магазине уценённых товаров. У неё шестилетняя дочь. Каждое утро она провожает её в школу со смесью надежды и страха: надежды, что у дочери будет лучшее будущее, страха, что район её проглотит.

Зарплаты низкие, расходы высокие, услуг не хватает. Город празднует своё «возрождение», но возрождение никогда не доходит до её дома.

Её отсутствие городское: она живёт ровно в той точке, где город решает, кто заслуживает внимания, а кто нет.

Женщина Ржавого пояса из Питтсбурга – 48 лет

Питтсбург стал «технологичным», «университетским» и «инновационным». Но рабочий город не исчез: он просто переехал в пригороды, куда никто не смотрит.

Линда была сварщицей. Когда завод закрылся, она находила только работу на неполный день: супермаркеты, уборка, обслуживание.

Экономическое преобразование вознаградило молодёжь с высоким образованием. Не таких женщин, как она.

Её отсутствие промышленное: новый город не нашёл места для тех, кто построил старый.

Сельская женщина – 55 лет

За пределами городов Пенсильвания — другая страна: холмы, фермы, крошечные городки, церкви повсюду, образ мыслей, который не менялся поколениями.

Мэри выросла здесь. У неё есть дом, клочок земли, муж, который работает от случая к случаю, и взрослые дети.

Она делает всё: — дом — животные — счета — готовка — уход за стариками — роль моста между семьями.

Её уважают, конечно. Но как функцию, а не как личность.

Её отсутствие культурное: каждая роль уже написана.

Женщина-иммигрантка из Аллентауна – 37 лет

Аллентаун полон иммигрантов из Латинской Америки, Африки, арабских стран и Азии. Экономика держится на них.

Рим работает на заводе, в утреннюю смену. Её муж работает в ночную. Они видятся всего несколько часов в день.

Платы никогда не хватает, работа физическая, конвейеры шумные и безжалостные.

Она говорит на двух языках, растит троих детей и при необходимости работает в две смены. Её отсутствие экономическое и языковое: это незаменимое присутствие в городе, но для тех, кто принимает решения, его не существует.

Эпилог – Пенсильвания

Пенсильвания — штат, который живёт посередине: наполовину современный, наполовину застрявший, наполовину богатый, наполовину бедный, наполовину прогрессивный, наполовину застрявший в прошлом.

Женщины живут в трещинах. И они держат вместе всё, что рушится: семьи, школы, районы, хрупкую экономику.

Но система считает её статисткой, никогда — главной героиней.

Размышление — Пенсильвания. Отсутствие женщин в Пенсильвании рождается из внутренней дистанции: дистанции между тем, чем штат был, и тем, чем он хотел бы быть.

Большие города пожирают, сельская местность сжимается, средние экономики отпускают.

Женщина оказывается сплюсненной в центре, куда никто настоящему не смотрит.

Эта глава даёт ясно понять: усталость — это не чрезвычайная ситуация одного дня, это ежедневная норма для тысяч женщин.

РОД-АЙЛЕНД

Род-Айленд — миниатюра всего, что в Америке работает, и всего, что в ней ломается: — дорогие прибрежные города — бедные пригороды — исчезнувшая промышленность — огромные общины мигрантов — ограниченные услуги — вопиющие социальные контрасты.

Провиденс — его центр: культурный, академический и художественный. Но рядом с университетами лежит одна из самых недооценённых городских бедностей на Востоке. За пределами города маленькие городки выживают на минимальной работе, сезонном морском промысле и производствах, которые не возвращаются.

Женщина здесь исчезает от сдавливания:

всё стоит слишком дорого, всё слишком близко, всё слишком мало, чтобы вырваться.

Латиноамериканка из Провиденса – 30 лет

Марисоль живёт в Саут-Сайде, одном из самых бедных районов города. На рассвете она убирает офисы, ночью — рестораны. Две работы, никакой защищённости.

Провиденс любит называть себя «креативным городом». Для неё креативность означает просто сводить концы с концами.

У неё нет страховки. У неё нет отпуска. У неё нет запаса.

Её отсутствие экономическое и языковое: она работает за троих, но для штата она — статистика.

Студентка, которая работает – 22 года

Университет Брауна привлекает студентов со всего мира. Но те, кто из скромных семей, видят другой Род-Айленд.

Рейчел изучает социологию, работает в библиотеке, по выходным стоит за барной стойкой и делит слишком дорогую студию.

Она умна, способна, решительна, но она под огромным давлением: – учёба – работа – долги – неясное будущее.

Её отсутствие академическое: университет празднует разнообразие, но не защищает тех, кто совмещает учёбу и выживание.

Сезонная женщина побережья – 41 год

Ньюпорт прекрасен для тех, кто приезжает в гости. Беда для тех, кто живёт там круглый год.

Таня летом работает в ресторане у гавани. Зимой она ищет любую доступную работу: магазины, уборка, мелкие контракты.

Богатые туристы, бедные жители.

Её отсутствие сезонное: она незаменима три месяца и невидима остальные девять.

Женщина маленького городка – 54 года

За пределами Провиденса лежит забытый Род-Айленд: старые текстильные фабрики, красные здания, обветшалые улицы.

Линда работает в промышленной прачечной. Повторяющиеся движения, горячий пар, бесконечные смены.

Зарплаты минимальные, работа тяжёлая, будущее не меняется.

Её отсутствие промышленное: она работает в тени экономического прошлого, которое никогда не вернётся.

Эпилог – Род-Айленд

Род-Айленд маленький, но его проблемы огромны: высокая аренда, низкие зарплаты, ограниченные возможности.

Женщины живут раздавленными всем этим. Всегда на передовой, никогда не защищённые.

Размышление – Род-Айленд

Отсутствие женщин здесь рождается из парадокса: крошечный штат, который не способен никого защитить.

Это отсутствие из микропространств и микрошансов: слишком мало, чтобы подняться, слишком тесно, чтобы вырваться.

И в этих удушенных пространствах женщины управляют целым штатом, который считает их частью пейзажа.

ЮЖНАЯ КАРОЛИНА

Южная Каролина — штат резких контрастов: идеальные пляжи и крайняя бедность, колониальная история и чёрные общины, всё ещё живущие в бедности, растущие города и застывшие пригороды, туризм как с открытки и низкооплачиваемая работа. Это одно из мест, где женщины несут самую тяжёлую ношу — между традицией, религией, семьёй, непомерными расходами и скудными услугами. И это также одна из стран, где свобода женщин всё ещё обсуждается, ограничивается и контролируется.

Южная Каролина хорошо одевается, когда нужно, но её позвоночник держат женщины, которых никто не видит.

Афроамериканка из Лоу-Кантри – 36

лет

Амина живёт в Чарлстоне, в общине гулла-гичи. Она несёт огромное культурное наследие: историю рабства, сопротивления и идентичности, сохранённой вопреки всему.

Она работает в туристическом ресторане в центре. Она подаёт блюда, вдохновлённые её культурой, людям, которые ничего не знают о её истории.

Она мать, дочь и работница. Она работает длинными сменами, получает зарплату, высокую по меркам города, но низкую для жизни здесь, потому что Чарлстон стал слишком дорогим для тех, кто в нём родился.

Её отсутствие историческое и городское: история чёрных людей здесь — основа всего, но она остаётся за пределами официального рассказа.

Белая женщина консервативного Юга – 42

года

Меган живёт в сельском районе между Андерсоном и Гринвудом. Её семья консервативна, церковь — в центре всего, община закрыта. Здесь правила не написаны, но они строже закона. Её муж работает на стройке, она — кассиршей в универмаге.

Каждый выбор взвешивается: как одеваться, что говорить, что думать. Развод считается скандалом. Не иметь детей — грех. Просить самостоятельности — «недостаток веры».

Её отсутствие культурное: она живёт в роли, которую решили другие, и изменить её — значит потерять всё.

Женщина туризма в Миртл-Бич – 29 лет

Джейми работает в отеле на побережье. Летом на стойке регистрации, зимой на уборке, где бы ни возникла нужда.

Миртл-Бич кажется раем для тех, кто приезжает, но это клетка для тех, кто там работает: низкие зарплаты, высокая аренда, полная сезонность, ноль стабильности.

Джейми живёт в маленькой квартире, которую делит с другими. Она работает шесть дней в неделю. А когда сезон заканчивается, ей остаётся надеяться на мягкую зиму.

Её отсутствие экономическое: всё вращается вокруг туристов; ничто не вращается вокруг жителей.

Женщина без страховки – 55 лет

Южная Каролина — один из штатов с самым слабым доступом к здравоохранению. Многие работающие женщины не застрахованы. Многие отказываются от необходимого лечения. Линда работает уборщицей в клинике. Каждый день она видит здравоохранение изнутри, но не может позволить его себе.

У неё хроническая боль в руках, но она не может остановиться. Она боится медицинского осмотра, потому что знает, что не сможет оплатить лечение.

Её отсутствие — вопрос здоровья: она работает вокруг заботы о других и не имеет права на свою.

Эпилог – Южная Каролина

Южная Каролина — штат, который живёт в постоянном напряжении между современностью и традицией, между видимым богатством и скрытой бедностью.

Женщины платят за все противоречия: – жёсткая религия – закрытые роли – эксплуататорский туризм – глубоко

укоренившийся расизм – недоступное здравоохранение – слишком низкие зарплаты.

Она — несущая колонна, но с ней обращаются как с мелким украшением.

Размышление – Южная Каролина

Здесь отсутствие женщин рождается из идеального переплетения: тяжёлой истории, господствующей религии и хрупкой экономики.

Женщины живут в ловушке между прошлым и настоящим: прошлое их ограничивает, настоящее их пожирает, а будущее не гарантировано.

И эта глава нужна, чтобы обнажить голую правду: Южная Каролина медленная не потому, что хочет быть медленной. Она медленная, потому что не хочет меняться. И за это бездействие всегда платят женщины.

Ferdinando Frega